

В

чем прок от Радзивиллов?

Яков АЛЕКСЕЙЧИК,
журналист

О магнатском роде Радзивиллов, имевшем некогда огромные владения на белорусских землях, известно в нашей стране, пожалуй, каждому. В ряде художественных произведений они выведены патриотами Речи Посполитой. Но так ли это на самом деле, и являются ли Радзивиллы примером для подражания? Обратимся к фактам.

Случилось так, что в одно и то же время попались мне на глаза ежедневная газета и буклет, выпущенный уважаемым издательством, в которых была упомянута Барбара Радзивилл. Газета утверждала, что «белорусские школьники должны узнавать на уровне символа слущкие пояса, Барбару Радзивилл, картины Язэпа Дроздовича и Алены Киш, полоцкий Софийский собор и Несвижский замок...». Набор перечисленных символов, мягко говоря, удивил. Если по Софийскому собору, а также отмеченному многими талантами Язэпу Дроздовичу и народной мастерице Алене Киш вопросов нет и быть не может, то символом чего является Несвижский замок Радзивиллов? Магнатской роскоши и своеволия, разрушавшего и общество, и государство? Даже два государства, поскольку первая Речь Посполитая, которую еще называют Речь Посполитая Обоих Народов, состояла из Королевства Польского и Великого Княжества Литовского, Русского, Жемойтского и иных.

Однако более всего удивило появление среди белорусских символов Барбары Радзивилл. Она сама этим была бы, пожалуй, смущена, поскольку вряд ли предполагала пятьсот лет назад, что есть на свете «бело-

русская земля». Родилась и росла Барбара близ Вильно и в самом Вильно, умерла в Кракове. Если и появлялась на белорусских землях, то разве что в Новогрудке, где воеводой был ее первый муж Станислав Гаштольд. Тем не менее в буклете с красноречивым названием «Гордость земли белорусской» она значится в одном ряду с Кириллом Туровским, Франциском Скориной, Николаем Гусовским, Евфимием Карским, Петром Климуком, Жоресом Алферовым.

Как ни странно, об этой женщине, бывшей женой короля Речи Посполитой и великого князя литовского Сигизмунда Августа Ягеллона, известно одновременно много и мало. Ей посвящали свои произведения польские и литовские литераторы и художники, в Вильнюсе есть памятник и улица Барборос Радвилайтес. Одни белорусские авторы сравнивали ее и Сигизмунда Августа с Ромео и Джульеттой, другие утверждали, что Барбара – это «Черная панна Нясвіжа», хотя в известном нам Несвижском замке она никогда не была и не могла быть – замок начали строить через тридцать лет после ее смерти. В посвященных ей произведениях много сказано, как она любила и страдала, но трудно найти что-либо о том, чем занималась помимо любви.

Распространена легенда, что Барбару терпеть не могла свекровь – королева Бона Сфорца, и что именно Бона ее и отравила. Притом сделала это весьма изощренно, пригласив в гости. Хотя невестка была предупреждена об опасности и категорически отказывалась взять что-либо со стола, Бона якобы уговорила ее съесть одно яблоко на двоих. Она сама разрешила то яблоко серебряным ножом. Откуда Барбаре было знать,

ОБ АВТОРЕ

АЛЕКСЕЙЧИК Яков Яковлевич.

Родился в 1948 году в д. Переспа Дрогичинского района Брестской области. Окончил факультет журналистики Белорусского государственного университета (1972) и Минскую высшую партийную школу (1979). Работу в печати начал в 1966 году в Ивановской районной газете «Чырвоная зязьда». Был на партийной работе в Ивановском райкоме КПБ, Брестском обкоме, ЦК КПБ.

С 1988 по 2002 год – генеральный директор Белорусского телеграфного агентства, в 2006–2009 годах – главный редактор издательства «Беларусь».

что сторона ножа, которая прикасалась к половине яблока, переданной гостье, была покрыта ядом? Вскоре Барбара заболела и умерла. Однако почему королева так ненавидела невестку? В буклете «Гордость земли белорусской» сказано, что Бона и польские вельможи опасались «засилья Радзивиллов – сторонников полной независимости Литвы от Польши». Да, королям с Радзивиллами было нелегко. Но ведь именно при Сигизмунде Августе – вскоре после смерти Барбары – была подписана Люблинская уния, как раз усилившая подчиненность Великого Княжества Литовского Польскому королевству. При этом Сигизмунд Август действовал весьма жестко и сломил всех магнатов ВКЛ. Сначала отнял у Княжества половину земель – Волынь, Галичину, Киевщину, сделав их польскими, затем пригрозил, что заберет и имения. И все сдались.

Так что вряд ли он боялся засилья Радзивиллов. Ему, наоборот, не помешала бы их поддержка в противостоянии с другими магнатами. Тем более что брат Барбары Николай по прозвищу Рыжий к тому времени стал князем Священной Римской империи германского народа – единственный в ВКЛ, удостоенный столь высокого иноземного титула. Кто бы отказался от такого союзника?

Оставим легенду и обратимся к фактам. Против женитьбы Сигизмунда на Барбаре резко выступили польская знать и католическое духовенство во главе с примасом Николаем Держжговским. Примас, а также сенаторы Петр Кмита – великий коронный маршалок, Ян Тенчиньский – маршалок надворный коронный и воевода сандомирский, Анджей Гурка – староста генеральный великопольский и глава нижней палаты сейма Петр Боратыньский возглавили протестную акцию. Петр Боратыньский, вдобавок, был еще и личным секретарем короля Сигизмунда Августа. Это он 31 октября 1548 года на заседании сейма в Петркове обратился к монарху с просьбой: «Господин... не называй того супружеством, что супружеством не является, укрась себя иной благородной и невинной госпожой, которую Ваша Королевская Милость пожелает иметь женой, нежели иметь позор, мерзость, оскорбительность и порок для Вашей Королевской Милости и всего дома Ягеллонского». Он и посланцы

◀ Барбара Радзивилл

сената упали к ногам короля, умоляя его отказаться «от той пани» во имя блага государства. А Ян Тенчиньский сказал даже, что ему приятнее было бы «видеть в Кракове Сулеймана-турчина, нежели иметь ту даму королевой в Польше».

Что же их не устраивало в Барбаре Радзивилл? Почему так возмущались? Об этом история многие годы умалчивала, но два года назад в Польше вышла книга историка Анджея Зелиньского «Скандалисты в коронах», в которой Барбаре посвящена целая глава – «Проклятие рода Ягеллонов». Цитируя хрониста тех времен Станислава Ожеховского, автор сообщает, что молодая вдова «имела разных любовников, разного статуса и профессии: сенаторов, шляхтичей, бедных и богатых, мещан и сельчан, монахов и конюхов». Сенатор Анджей Гурка в присутствии короля назвал по имени и фамилии 38 (!) любовников Барбары и заявил, что она страдает неизлечимой венерической болезнью, которая исключает для короля возможность иметь потомство, что перечеркивает продолжение правления рода Ягеллонов. От своих слов Анджей Гурка не отказался даже после коронации Барбары, на которую он не пошел, а после избегал любых контактов с королевой, что не преминул подчеркнуть и один из самых известных в Польше историков Павел Ясевица в книге «Польша Ягеллонов».

То, что Барбара является носителем «килы» (так по-польски называется сифилис), уточняет Зелиньский, известно было всем. Все знали, что к этому она пришла в результате «исключительно аморального образа жизни», и называли ее «великой блудницей Литвы». Вот как на тридцать первом году жизни, по словам Станислава Ожеховского, умирала Барбара: «Коварная ее мучила болезнь, и большая часть ее тела загнила, а когда начала усыхать, все, кроме короля, брезговали больной...». Описание болезни, оставленное хронистом Ожеховским, замечает Зелиньский, является типичным для острой стадии сифилиса и не оставляет места для сомнений в этом.

Сифилис долгое время в Европе назывался неаполитанской болезнью. Анджей Зелиньский напоминает, что приклеилось к ней это название после того, как французский король Карл VIII в сентябре 1494 года во главе 30-тысячной армии появился под стенами итальянского Неаполя. Неаполитанцы не стали сопротивляться и открыли ворота. Празднование бескровного успеха продолжалось восемьдесят дней, превратившись в повальное пьянство и разврат. Потом вспыхнула эпидемия, от которой не было спасения. Скорее всего, она случилась из-за того, что в армии французского короля были участники конквисты в Америке, которые и принесли с собой американскую разновидность болезни, известной в Европе еще со времен крестовых походов, но никогда не принимавшей эпидемического характера. Мутировав на новой почве, недуг стал собирать обильную «жатву». Через три месяца эпидемией была охвачена вся Италия. Болезнь протекала злокачественно. На последнем ее этапе тело гнило, отпадали носы, уши, пальцы на руках и ногах.

За Италией наступила очередь других территорий. Через некоторое время сифилис стали называть немецкой болезнью, затем – французской, еще позже – польской. Ссылаясь на хрониста Мацея из Мехова, Анджей Зелиньский напоминает, что одна из девушек, побывав на римских праздниках в 1497 году, принесла эту беду в тогдашнюю польскую столицу Краков. Вскоре она «распутством людей развязных быстро разнеслась, особенно среди тех, кто любит вино и иные напитки и к девушкам присматривается». А королем

Польши в то время был Ян Альбрехт, который, как уточнял тот самый хронист Мацей, «присматривался к девушкам» с особым тщанием и был очень настойчив в поисках любви телесной. Его жизнь была наполнена пьянками, длинными беседами в окружении «весьма свободных женщин всех сословий, что не красило королевское достоинство», и даже уличными драками. Вскоре король заразился неаполитанской хворью. Умер он в 41 год. Вслед за ним расстался с жизнью в страшных муках и его старший брат гнезненский кардинал Фредерик. Ему было всего 35.

После смерти Яна Альбрехта на польский трон вступил великий князь литовский Александр, женатый на Елене – дочери великого князя Московского Ивана III Строгого и Софьи Палеолог. Он тоже скончался в 45 лет от болезни, которая уже называлась польской. Как утверждает Анджей Зелиньский, подхватил он ее еще в юные годы, поскольку, женившись, король вел примерный образ жизни. Известный в те времена врач и алхимик Александр Балиньский лечил короля тем, что заставлял его ежедневно съедать много груш, пить крепкое вино и ходить в баню. Все было напрасно. Вслед за мужем ушла из жизни и Елена. Ей было 36. Потомства они не оставили. Иван Шамякин в своей повести «Вялікая княгіня» писал, что Елену отравил ключник по приказу воеводы виленского Николая Радзивилла. Иван Петрович, конечно же, ничего не придумывал, в самом деле, есть такие сведения в записях хрониста Яна Комаровского. Но вряд ли Елена, будучи более десяти лет женой Александра, смогла избежать болезни, от которой умер ее муж.

Страдали от сифилиса и короли династии Вазов, сменившей Ягеллонов, Ян Казимир и Владислав IV – тот самый, который претендовал на московский трон в дни русской Смуты. Имелся сифилис и у единственного польского короля из династии Валуа – Генриха III, правда, умер он от удара кинжалом после бегства в Париж. Не избежал недуга и король Ян III Собеский, заразившийся им от собственной жены Марии Казимиры. А Павел Ясеница в той же книге «Польша Ягеллонов» уточняет, что еще раньше болел «килой» и Людовик I Великий – король польский и венгерский, отец Ядвига, вышедшей замуж за великого князя

литовского Ягайло, ставшего в результате той женитьбы польским королем. И если сообщение хронистов является правдой, заметил Ясеница, то «нет повода сомневаться в том, что тайну несчастий, выпавших на род... можно считать выясненной». Видимо, историк имел в виду короткий век всех трех дочерей Людовика: Екатерина умерла в младенчестве, Мария, сменив отца на венгерском троне, ушла в мир иной в 24 года, Ядвига, будучи польской королевой, скончалась в 26 лет вместе с новорожденной дочерью. От более далеко идущих выводов Ясеница воздержался.

Впрочем, Анджей Зелиньский не избегал и суждений, явно отдающих иронией. Например, по поводу короля Яна Альбрехта. Жестоко страдая от болезни и осознав, чем это закончится, монарх в полную силу занялся упорядочением дел в государстве, обеспечением его безопасности. Заключил мир с Венгрией и Францией, Турцией, добился и перемирия с волжскими татарами, которые угрожали татарам крымским – союзникам Польши. Стал готовить поход на крестоносцев, но умер. И Александр Ягеллончик, когда убедился, что ни груши, ни вино, ни баня не помогают, тоже «приступил к предсмертному упорядочению государственных дел», ушел из публичной жизни, назначив для этого вице-регента королевства, и уехал в Вильно.

Сигизмунда Августа ждала та же судьба, что и Барбару. Правда, многие историки утверждали, будто смерть его наступила от «большой любви и тоски по Барбаре». Однако такие доводы легко разбиваются фактами, пишет Зелиньский. Ведь вскоре после смерти «столь любимой» супруги король вновь женился, вокруг него постоянно вились многочисленные любовницы. Притом с обострением болезни число случайных связей Сигизмунда Августа с самыми разными женщинами росло. На последней стадии «его смертельной болезни проявились симптомы, идентичные тем, что перед смертью наблюдались у Барбары Радзивилл», словно для того, чтобы «никто не имел сомнений, от какой болезни король тогда расставался с белым светом». Потомства, как и предсказали сенаторы и послы на сейме в Петркове, он не оставил, династия Ягеллонов исчезла «с карт польской истории». А заразила короля сифилисом Барбара Радзивилл, подчеркивает автор.

Так символом чего и для кого, позволительно спросить, может стать она в нынешней Беларуси? Кто и с какой целью пытается приукрасить образ этой женщины?

Впрочем, такие попытки делаются не только в отношении Барбары. Предпринимаются усилия по белорусизации всех не-свижских Радзивиллов. В одном из столичных театров идет спектакль, посвященный Каролю Станиславу по прозвищу Пане Коханку, который, по мнению авторитетного белорусского ученого профессора Адама Мальдиса, в рейтинге самых зловещих и ужасных магнатских фигур претендует на первое место. Свой первый орден он заимел в пять лет, но читать научился только к пятнадцати, стреляя по мишеням, на которых были нарисованы буквы. Лишь таким способом гувернер смог привлечь внимание своего питомца к основным элементам грамоты. Кароль Радзивилл был способен выстрелить в человека во время бала, вбить в рот рюмку или бокал тому, кто решил выпить вина, стукнуть лбами двух беседующих, чтобы шишки вскочили. Мог также заковать в кандалы, заточить в подземелье, а затем в предсмертной рубахе и в сопровождении палача и ксендза вывести к виселице великого литовского писателя Паца. Пац, правда, повешен не был, он умер от страха, испытанного в ходе того действия. А ведь великий литовский писатель ведал делопроизводством в канцелярии ВКЛ, делал доклады канцлеру, отвечавшему за внешнюю политику, и самому великому князю. И если Радзивилл, справедливо резюмировал профессор Мальдис, вытворял такое со знатными друзьями, то каково было всем другим, волей судьбы обретавшимся в поле зрения ясновельможного господина?

Кое для кого Пане Коханку интересен тем, что мог рассказать, как после его любовного романа с русалкой в Балтийском море завелась селедка, или как во время штурма крепости в Гибралтаре он въехал на крепостной вал на лошади, у которой пушечным ядром оторвало всю заднюю часть. Это дает кое-кому повод назвать его прообразом знаменитого барона Мюнхаузена. Кароль Радзивилл мог среди лета покатать гостей на зимних санях по дороге, посыпанной солью. Или же помочиться в церкви, о чем вспоминал современник и критик Иммануила Канта европейский

► Кароль Станислав Радзивилл Пана Коханку

философ Соломон Маймон, выросший в семье арендаторов в поместьях Радзивиллов. Французский генерал Шарль Дюмурье, который видел Пана Коханку в 1770 году во время Барской конфедерации, пришел к выводу, что «князь Радзивилл – совершенное животное, но это самый знатный господин в Польше». Известный мемуарист Я. Китович, цитируемый профессором Мальдисом, тоже писал, что «князь Кароль Радзивилл... по натуре мало отличается от идиота». Кстати, конфедерация, в которой участвовал Кароль Станислав, подняла вооруженный мятеж в Речи Посполитой после принятия сеймом решения, давшего православным и протестантам права, равные с теми, что имели католики. Большим, так сказать, «демократом» был Кароль!

Недалеко ушли от Пана Коханку и многие его родственники. Владелец имения Чернавчицы, что около Бреста, Мартин Радзивилл отличался, как утверждали современники, распушенностью, содержал целый гарем «кадеток», а также грабежами, поджогами, расправами над людьми. Слуцкий Иероним Радзивилл, имевший собственную шеститысячную армию, мог обречь на смерть в подземелье даже наемных иноземных офицеров. Кстати, Пана Коханку в Несвиже имел «золотой уланский конный отряд», которым командовал ротмистр Янковский – однофамилец народного артиста СССР, исполняющего

роль Пана Коханку в том самом спектакле на сцене столичного театра. Резонно спросить, кто жаждет видеть таких героев в качестве примера для строительства белорусского государства? Чем руководствовались автор пьесы и режиссер, пытающиеся представить Радзивилла чуть ли не типичным белорусом, влюбленным в молодую белорусскую крестьянку? Как бы отреагировал на это сам Пана Коханку, узнай он, что какие-то «нахалы из местных» низводят его до уровня «быдла»? Наверняка приказал бы повесить, что магнаты, и не только магнаты, и делали с крепостными, пользуясь тем, что еще в 1518 году король Речи Посполитой Сигизмунд Старый отменил государственную юрисдикцию над крестьянами частных имений вплоть до права «на горло». Свое решение монарх мотивировал тем, что устал разбирать жалобы. Историк М.В. Довнар-Запольский не случайно отмечал: «помещик был государь на своей территории... сам издавал законы для своих подданных, судил, наказывал (их), до смертной казни включительно». Утверждалось даже, напоминает профессор Мальдис, что мешане и крестьяне ниже шляхты в физическом и умственном смысле, происходят не от библейского Иафета, а от подлого Хама.

Столь же удивительны попытки сделать героем белорусской истории Януша Радзивилла. Его причисляют к выдающимся белорусским полководцам за то, что, как подчеркивают некоторые авторы, он успешно воевал с казаками Богдана Хмельницкого и «москалями». Однако польский классик Генрик Сенкевич в романе «Потоп» назвал этого Радзивилла предателем Речи Посполитой, поскольку Януш, будучи польным гетманом литовским, то есть полевым, походным командующим вооруженных сил ВКЛ, в сентябре 1655 года заключил так называемый Кейданский договор, по которому ВКЛ выходило из состава Речи Посполитой и становилось вассалом Швеции. Двоюродный брат Януша Богуслав пошел еще дальше. В декабре 1656 года он присоединился в договору, подписанному в трансильванском городе Раднот – теперь это румынский Ернот – по которому Речь Посполитую предстояло и вовсе разделить между Швецией, Пруссией, Трансильванией, Бранденбургом, Богданом Хмельницким и самим Богуславом. Тот трактат не

был выполнен только потому, что ни Россия, ни Англия с Голландией и Данией, ни турецкий султан, ни крымский хан не желали перекройки политической карты Европы, появления на ней новых политических игроков, а также – дальнейшего усиления Швеции.

Это не все. Такой знаток истории Беларуси XVII века, каким был писатель из Минска Константин Тарасов, в своей повести «Тропою Каина» называл Януша Радзивилла «кровопийцей». И было за что. По приказу Януша во время антипольских восстаний были вырезаны Брест, Пинск, Туров, Мозырь, Бобруйск, Чериков. В Пинске казни подверглось более трех тысяч горожан, а ведь население редко какого города в то время превышало десять тысяч человек. В Бресте было уничтожено несколько тысяч поселян. В Турове убили всех, кого застали в домах, уцелели только те, кто находился за пределами города. Не потому ли туровчане вскоре с иконами и хлебом-солью встречали прибывшие по Припяти войска русского князя Волконского? Ведь существовала даже угроза, что этот древний город более не возродится. В Черикове лишилось жизни 1500 человек. В Мозыре полторы сотни жителей были обезглавлены, сотню посадили живыми на кол, еще восьмистам отрубили правую руку. Могут ли такие «заслуги» быть основанием для занесения в пантеон народной памяти? Или в данном случае важнее то, что Радзивилл воевал с «москалями»?

Раз уж зашла речь о тех, кто симпатизирует историческим персонажам с подобными «отличиями», не будет лишним заметить, что их антирусский настрой одновременно является и антибелорусским. Ведь любому мало-мальски образованному и непредвзятому человеку ясно, что народ наш и белорусская республика образовались в контексте русской истории, в Советском Союзе. Мы белорусы, а не белоляхи, не белобалты, не белолиты. Даже те, кто склонен идеализировать ВКЛ, вынуждены признавать, что в рамках Княжества и Речи Посполитой никаких шансов на формирование белорусскости не было. Или же кто-то предпочитает числить себя потомками тех, кто потерял целых два государства, и жалеет, что история повернулась иначе, чем предполагали их предки? В таком случае резонен и вопрос: является ли для

них ценностью Республика Беларусь? Если нет, то это, конечно, их дело, но белорусам лучше помнить, благодаря кому мы живем на собственной земле да еще и государство собственное имеем.

Совершаемые некоторыми представителями культуры и науки усилия по глорификации Радзивиллов, заметные на белорусских просторах уже невооруженным глазом, вызывают много вопросов. Например, об ответственности тех же Радзивиллов, иных магнатов и всей шляхты за то, что Речь Посполитая Обоих Народов была превращена в посмешище в глазах не только Европы, но и более отдаленных стран. Рафал Земкевич в своей книге «Поляцтво» с нескрываемой грустью цитировал слова известного во всем мире ученого Адама Смита, написанные почти два с половиной столетия назад: «В Польше, насколько нам известно, не производится ничего, за исключением простейших вещей, необходимых для домашнего хозяйства, которые производятся везде». Польская же писательница Марцелина Грабовская в книге «Приговоренный к величию», посвященной Т. Костюшко, напомнила, как американцев пугали, что если им не удастся добиться свободы, то останутся они «подлыми невольниками», подобными тем, что живут в Польше. Какой же им виделась жизнь простого люда в Речи Посполитой, если ею можно было пугать даже чернокожих рабов? А француз Дюмурье на сей счет был категоричен: «Польское социальное тело – это чудовище, составленное из голов и желудков, без рук и без ног. Польское управление похоже на управление сахарными плантациями, которые не могут быть независимыми».

Владислав Сырокомля, учившийся в Несвиже, справедливо писал, что «шалеюць з раскошы магнаты». Радзивиллы, Сапегы, Чарторыйские, Пацы, Мосальские правили бал только для себя. Большая рыба загнивала с головы. И, в конце концов, государство, заключил Рафал Земкевич, «разлетелось, как карточный домик, не потому, что на него наехала какая-то сила... а потому что попросту все прогнило». Ту Речь Посполитую убили «безответственность, интеллектуальный и моральный упадок и... полное отсутствие политических элит, способных определить народные интересы и ими руководствоваться». Она стала распадаться.

Первые территории – Чорстыньское, Новотарское и Сондецкое староства – Австрия забрала себе еще до решения трех империй о разделе Речи Посполитой. Так не оставить ли Радзивиллов и других магнатов для истории? Никаким примером государственной ответственности они не являются. Беларусь появилась на карте не благодаря, а вопреки тому, что они делали в жизни. Они пальцем не пошевелили, чтобы белорусы осознали себя народом. На Урсулу Радзивилл, сочинявшую стихи и пьесы, это можно не распространять. Впрочем, писала она польски, а не на том языке, который нынче называют старобелорусским, и до несвижского замужества была Вишневецкой. К ней стоит «приплюсовать» и ее мужа Михаила Казимира Рыбоньку, который основывал мануфактуры, в том числе «персиарню» по производству поясов.

Гродненский историк В. Черепица не случайно пришел к выводу, что магнаты и остальная шляхта свои силы тратили «не ради Иисуса, а ради хлеба куса». Исходя именно из этого, переходили из одной религии в другую, затем в третью, отказывались от языка, обычаев. И действовали с таким географическим размахом, что есть формальные основания для спора о том, только ли Беларуси, Литве и Польше принадлежат исторические Радзивиллы. Например, Богуслав был шведским фельдмаршалом. Композитор и генерал-поручик Антоний Генрик Радзивилл руководил Великим княжеством Познаньским, созданным на западных землях бывшей Речи Посполитой и входившим в Прусское королевство. В его дворце в Берлине на Вильгельмштрассе, 77 регулярно собиралась берлинская знать. Впоследствии там размещалась имперская канцелярия, в которой работали и Бисмарк, и Гитлер – пока Шпеер не построил ему новую. Сыновья композитора и наместника Вильгельм Павел и Богуслав Фридрих стали прусскими генералами. Верно служил германской империи его внук Антоний Вильгельм Радзивилл – генерал артиллерии, генерал-адъютант Вильгельма I. Был в германских рейхах и художник Франц Радзивилл. В годы Первой мировой он воевал на российском фронте, потом стал убежденным сторонником Гитлера, участвовал в съездах НСДАП и опять надел военную форму, но уже вермахта. Директор Высшей школы ис-

кусств в Берлине Карл Хофер утверждал, что это не Радзивилл, а Нацивилл.

Радзивиллов можно записать и в украинские вельможи. В волинской Ольке, в замке площадью целых 2,7 гектара, тоже гнездилась ветвь этого рода. В Ровенской области есть город Радзивиллов. При желании причислить их к своим могут и французы. Доминик Радзивилл служил адъютантом у императора Наполеона I и погиб на войне с Россией. И в русской армии был генерал от кавалерии из Радзивиллов – Лев Людвигович, пользовавшийся абсолютным доверием Николая I и Александра II, выполнявший их самые деликатные поручения. Во время Крымской войны он лично водил в атаки свою кавалерийскую дивизию. В высшем свете о Лье судачили как о человеке, который умел заставить смеяться двух императоров и помог обзавестись дочерью первой исполнительнице роли Жизели – знаменитой итальянской балерине Карлотте Гризи, бюст которой стоит в парижской Гранд-опера. В отличие от Барбары, Богуслава, Януша, Лев похоронен в Несвиже. Кстати, протекцию при поступлении на русскую службу ему составил дядя Антоний Генрик, служивший Пруссии. Так если Радзивиллы действовали по принципу, что где им хорошо, там и родина, стоит ли реанимировать Барбару и Панае Коханку, Мартина и Иеронима и иже с ними на белорусском культурном поле? Или кому-то хочется подчеркнуть, что были мы когда-то не под какими-нибудь, а под очень «крутыми» панами?

Конечно, мастера пера и сцены могут возразить. Дескать, и Шекспир не всегда держался исторических фактов, а Дюма и вовсе называл историю гвоздем, на который он вешает свои картины. Но хорошо ли подумали те, кто заявляет, будто у нашего общества нет корней? Разве Полоцк и Туров, которым более чем по тысяче лет, ими не являются? А Минск, Борисов, Пинск, Брест, Орша, приближающиеся к тысячелетию? Или эта «корневая система» кое-кого не устраивает? С какой стати в спектакле «Панае Коханку» этого спесивого магната превратили в «свядомага Беларуса», ради чего «гісторыю спрасцілі да смешнага», что констатировала газета «ЛіМ» после первых же постановок. Владислав Сырокомля некогда горевал, что когда «шум і смех у палацы, плаццэ

плачам за гэта змарнелыя хаты», а актер, исполняющий главную роль, твердит, что «при Пяне Коханку людзі дастаточна хороша жылі». Нельзя не сагласіцца і з другім вывадам аўтара той публікацыі Аляся Суходолова: «Ва ўмовах нашых гістарычнай рэчаіснасці, калі ідзе працэс фарміравання гістарычнай свядомасці беларускай нацыі, прытрымлівацца гістарычнага падабенства проста неабходна».

В Польше сегодняя с іроніяй вспоминают фильм Анджея Вайды «Лётна», в котором рассказывается, как польские кавалеристы с шашками наголо атаквали немецкие танки в 1939 году. Дотошный историк Збигнев Залусский выяснил, что ту атаку придумал один из дезертиров из оперативной группы «Черск», добежавший с поля боя до самого Бухареста. А главное, такой атаки и не могло быть, ибо в польской армии служили офицеры, достаточно квалифицированные для того, чтобы не принимать глупых решений. Так зачем же «делать из себя идиота, а тем более... превращать в идиотов других, из своего же народа», задался вопросом Залусский в книге «Семь главных польских грехов». Случай с «Лётной» показывает, что от больших целей до смешных результатов бывает лишь шаг. Реальную историю лучше всего помнить и использовать ее не только как гвоздь для картины.

С сожалением приходится констатировать: многие школьники и даже студенты сегодняя «знают», что Буденный воевал с Наполеоном. Чем черт не шутит, когда Бог спит. Странно, что и представители академической науки помалкивают. Молчат они, и когда некий историк проводит презентацию книги «Граница у Заславля 1921–1941 гг.», совершает походы в довоенной польской армейской форме вдоль того рубежа, что двадцать лет разделял белорусский народ. Не трудно представить, как отреагировали бы в Польше на его хождения в буденовке западнее Белостока. Не долго он там ходил бы...

Разумеется, все сказанное не означает, что об отреставрированном Несвижском замке следует забыть. Его надо использовать для галерей, выставок, фестивалей, иных массовых мероприятий, тем более что место позволяет. Будет хоть какая-то польза от наследия «бархатников» для потомков пахотников. ▀

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Требования к оформлению научных публикаций составлены в соответствии с главой 5 Инструкции по оформлению диссертации, автореферата и публикаций по теме диссертации, утвержденной постановлением президиума Высшего аттестационного комитета Республики Беларусь от 24.12.1997 года № 178 (в редакции постановления Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь от 22.02.2006 года № 2).

Условия приема авторских материалов в журнал «Беларуская думка»

1. Принимаются рукописи, ранее не опубликованные.
2. Редакция принимает рукописи в двух экземплярах (не ксерокопия), напечатанные шрифтом Times New Roman, 14-й кегль, межстрочный интервал – полуторный, объем статьи – до 10 страниц.
3. Статья должна содержать:
 - индекс УДК;
 - фамилию, имя, отчество автора (авторов), название статьи на русском и английском языках;
 - резюме объемом 400–450 знаков на русском языке;
 - введение (с поставленными задачами), основную часть, заключение (с четко сформулированными выводами);
 - список цитированных источников, оформленный в соответствии с требованиями ВАК Республики Беларусь.
4. Материал визируется автором.
5. Наличие электронного варианта статьи (дискета, компакт-диск, флеш-носитель).
6. Иллюстративный материал представляется отдельными графическими файлами.
7. Данные об авторе (0,5–1 страница): телефон, адрес электронной почты, место работы, должность, ученая степень, звание, сфера научных интересов.
8. Рецензия (внешняя или внутренняя). Материалы, в которых не соблюдены перечисленные условия, не принимаются к рассмотрению редакцией. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Редакция оставляет за собой право осуществлять отбор, дополнительное рецензирование и редактирование статей.